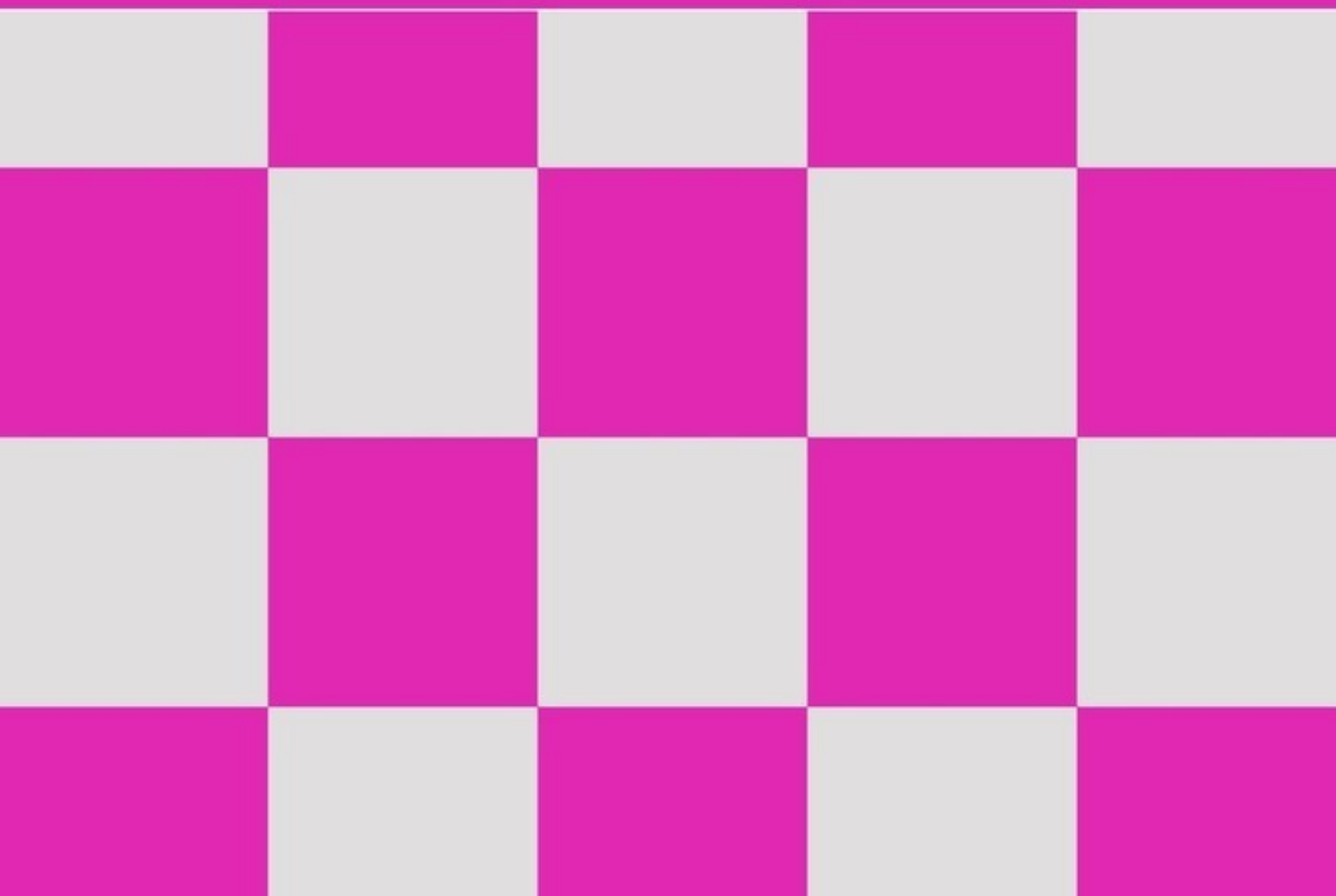

Влад Эмир

Теория относительности

Фантастика. Сборник рассказов №1

Влад Эмир

Теория относительности

«Издательские решения»

Эмир В.

Теория относительности / В. Эмир — «Издательские решения»,

Абсолютно разные по сюжету рассказы о том, что мы видим и часто не замечаем. А иногда герои даже не вымышленные, хоть всё написанное и описанное — фантастика... Пусть так и останется фантастикой!

© Эмир В.

© Издательские решения

Содержание

Теория относительности	6
Автоматическое письмо	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Теория относительности
Фантастика. Сборник рассказов №1
Влад Эмир

© Влад Эмир, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Теория относительности

Вибрация... Частота собственных колебаний... Башни эти загадочные, вроде как с маятником, точнее, с вращающимся ротором со смещённым центром тяжести... $E=mc^2$... Альберт Эйнштейн не сошёл с ума, сжигая черновики в огне, свою вторую часть теории относительности...

Который раз вот так он просыпался под утро, уступая напору обрывочных видений, кадров, которые и снами-то назвать можно было с сильной натяжкой, Владимир уже и сказать не мог. Число таких, не очень желательных, побудок давно перевалило за сотню. За последние четыре или пять лет? И не дело, несомненно, в полночных играх в сети, погоня за монстрами вместе со своими друзьями, которые и живут-то вообще неизвестно где, русскоязычное население давно уже освоило всю планету, а расспрашивать, кто твой товарищ и соратник по одной команде, сражающийся с другими, людьми, созданными ими помощниками – образами и компьютерными монстрами, было как-то не принято. Можно было по времени появления в игре кого-нибудь из узнаваемых героев – лучников, рыцарей, кентавров, предположить, что этот вот персонаж – с Дальнего Востока, может, Япония, Корея, если не наш, из России, этот латник с мечом – Европа, однозначно. Каждый день появляется в одно и то же время, опаздывая на 2 часа, да и не сидит в сети долго, два часа – стандарт, потом свои дела. Но аккуратно приходит, минута в минуту. Может, прибалт? А этот отморозок, больше на зверя похожий, чем на человека, дерзкий и бесшабашный, может и из Америки, в наше дневное время он спит, в ночное, похоже, работает, разница по часам большая. И урывками в игре появляться, может где-то и в офисе своём успевает поиграть-пострелять! Команда, с которой давно уже сдружился-сыгрался Владимир, была в игре среди лидеров, слыла трудным и опасным соперником, отвоёвывала себе широкое пространство день за днём, грома и монстров, и их создателей. Просидев полночи перед монитором, успевая пообщаться со знакомыми игроками, скрывающимися за никами, и провести пару блестящих, в плане тактики, операций, захватив ещё один какой-нибудь остров, виллу, уровень бесконечной игры, Володя не прочь был и выспаться перед рабочим днём, к девяти надо успеть добраться до института, а здесь эти сны...

Частота собственных колебаний... Ультразвук... Генератор частоты... А этот, американец, со своими каменными глыбами весом в десятки тонн? Метр ростом, один... Вибрация? Звуковые вибрации? Не совсем это то, что занимало Владимира последние пять лет. Вибрация и время... Почему этот Тесла с башнями... И кандидатская диссертация к этим снам отношения не имеет... На работу надо к девяти, спать хочется... Частота колебаний... Время...

– Вовик, ты что в такую рань подскочил?

– Да не спиться что-то... Жарко!

– А ты бы дверь не закрывал! Конечно, жарко будет, воздух на одном месте стоит, ты же дышишь! А форточку открывать бесполезно, на улице не холоднее!

Поучение и разъяснение, даваемое обстоятельно и детально бабушкой, учителем, воспитавшей не одно поколение людей, сейчас были не очень кстати. Голова побаливала, хотелось элементарно спать, но это просто бы не получилось...

– Вовик, таблетку дать?

– Нет, ба, потом! После завтрака...

– Чай будешь пить?

Для чаепития время было тоже не самым удобным – шесть утра! Может, от жары и бабушка проснулась в такой неурочный час, по залу побродить, подышать чуть охлаждённым сплитом воздухом. Охлаждать воздух сильнее сплит-систему не настраивали, простудиться летом, в тридцатиградусную жару, было слишком просто. Но и эта разница в пять-семь градусов просто спасала, давала возможность выжить, проклиная глобальное потепление и клима-

тический коллапс планеты. Высокий и худощавый мужчина потянулся, легко достав руками потолок четырёхкомнатной «хрущёвки». Четырёхкомнатной квартира на пятом, последнем, этаже считалась по числу каморочек, длиною и шириной чуть больше роста мужчины, который и подпирает сейчас, как один из Атлантов, небо, потолок одной из них, этих каморочек. Каморка имела окно, узкий бельевой шкаф в углу, шифоньер для одежды вдоль стены, широкую кровать и тумбочку с телевизором. Свободного пространства каморка не имела. Как, впрочем, этого пространства было в дефиците и у всех оставшихся каморок – комнат, самой просторной, то есть чуть пошире, из которых был зал, куда из каморок имелись выходы с дверями. Зал был оборудован сплит – системой, что делало его оазисом среди пустыни и местом сбора всего живого населения квартиры. Кроме бабушки, Тамары Александровны, в квартире проживала ещё и мама мужчины, Ирина Васильевна. Тоже учитель, тоже знаток и специалист в своём деле, тоже получающая за каторжный труд в школе деньги, которых всегда не хватало на оплату даже коммунальных услуг. Правда, до школы идти было всего полчаса времени, тратить денег на поездки в общественном транспорте не приходилось. Вов, сыну, было похуже. После университета, по некоторым, чисто финансовым причинам, не став аспирантом, он работал младшим научным сотрудником на одной из кафедр престижного института, где и девушки, и друзья... Как одеваться и на чём ездить в институт, где проводить вечера, с кем знакомиться, о чём разговаривать... Да и кандидатская диссертация, статьи в научных журналах, серьёзная работа... И студентки посматривают оценивающе – вибрация... Зачем-то и о семейном положении нет-нет да и спросят! И зарплата учителя-подсобника! Нет, подсобник на стройке больше получал, глобально больше! Тогда – зачем университет, пять лет и красный диплом? Зачем и для чего эти горы тетрадей в тумбочке, на рабочем столе в кабинете, мегабайты информации, найденной с таким трудом, перемешанной с собственными мыслями, на жёстком диске компьютера? Зачем и для чего, наконец, эти толстые папки, на которых вместо названий и подписей-надписей, выведена аккуратно одна лишь формула – $E = mc^2$? Зачем нужны были эти годы, когда о будущей зарплате не думалось?

– Вовик, иди чай пей, я уже налила! Или тебе принести?

Бабушка и мама, две домашние феи, палочки-выручалочки и спасительный оберег... – Не, ба, не надо. Я приду сейчас!

Владимир быстро натянул на себя спортивные штаны, прикоснулся рукой к верхней папке с надписью « $E = mc^2$ », формула Эйнштейна была так близка и понятна! К теме диссертации она отношения не имела, но зато имела прямое отношение к тем секундам, неделям, годам, что он провёл, перелистывая тысячи страниц в библиотеке, просиживая сотни часов за компьютером, рыская в интернете, исписывая килограммы бумаги формата А4, сейчас ровными пачками лежащие у кровати, аккуратно связанные, по разделам. И, кажется... Кажется, кажется! Нет, не кажется! И сны эти, как подтверждение догадки... Странной такой, всё соединяющей и пронизывающей насквозь догадки Эйнштейн? Он ведь тоже догадывался? Он, великий человек, не мог не догадаться! Проверил? Должен был обязательно проверить! Посчитать и проверить! Тогда, в его годы, практически это было сложно. Нет, даже, вероятно, невозможно...

– Ну, Вовик! Остывает же чай! Может принести?

Бабушка была настойчивой, нет, как все учителя... Настырной! Влить кружку чая внутрь утром, хочет он этого или не хочет, для неё как теореме в классе перед доской доказать – объяснить, просто и за пятьдесят пять лет учительской практики привычно и элементарно. Внук и не поймёт, откуда у него внутри взялась эта кружка чая... Эти знания...

– Ба, мама спит?

– Спит, конечно! Это ты вон вскочил! Ей сегодня ко второму уроку, пусть выспится. Вчера еле заснули, душно так было... Крыша, наверное, как сковородка раскалённая была! Какой там кондиционер, нас уже можно было из пожарных машин тушить...

Чай был сладким и в меру горячим, как и любил Владимир. Бабушка, вырастив и маму его, и своего сына, брата мамы, знала их вкусы не хуже своих.

Спасибо!

– Ты до сколько сегодня?

– Две пары, потом на кафедре. Да ничего сегодня нового нет, поковыряюсь там часов до пяти и приеду. Ба, мне Дима работу же предлагал.

– Помню, ты рассказывал.

– Я думаю, соглашусь. А?

– Вовик, ты конечно смотри сам, но там не наука! Это же всё, что ты раньше делал, уходит! Уходит в никуда! Потом оттуда уже не вернёшься!

– Не вернёшься... — Повторил автоматически Владимир и как-то странно посмотрел на бабушку.

– Не вернёшься? Ты чего?

Учительская интуиция сработала первой – сейчас будут спорить и протестовать! А спор в классе недопустим, это – табу, запрет! Учитель всегда прав! Даже если он не прав! А Земля стоит на трёх слонах, которые стоят на трёх китах, которые плавают в море! И – точка!

– Спасибо!

Внук быстро встал и ушёл в свою спальню, оставив суровую Тамару Александровну в готовности к отражению атаки молодого учёного, вознамерившегося опровергнуть истину о трёх слонах. Отсутствие битвы означало её выигрыш и пожилая женщина, победно выпрямившись, взяла чашку – мыть посуду даже после чаепития единственному мужчине в доме не доверяли!

$E = mc^2$... По каким-то ему одному известным признакам, Владимир вытащил из стопки папок с одинаковым названием-формулой сверху, ту, что была нужна. Открыв её где-то посредине, он перелистнул несколько страниц, стал вчитываться. Потом, достав из тумбочки чистый лист бумаги, стал что-то чертить, высчитывать. Так продолжалось минут двадцать. Выпрямившись, наконец, с усталой улыбкой, Владимир пробежал глазами написанное и, сложив листок вдвое, засунул его в верхний ящик тумбочки. Убрав на место папку, он начал одеваться. В институт опаздывать он не хотел и не любил, чтобы не произошло! А уже что-то произошло... Оно и раньше, похоже, произошло, у Эйнштейна... Во второй части теории относительности... Григорий Перельман подтвердил гипотезу Пуанкаре. Во времена Альберта Эйнштейна не было интернета. И пять лет занятий в Университете, работа в институте за гроши, жизнь в «хрущёвке» со сплит – системой, работающей на износ, что-то должны стоить? Нобелевская премия, известность, научное признание и восторг всего мира! И – новые исследования, научные открытия, работа в научных центрах, где нет этих студентов, желающих получить за чем-то дипломы о высшем образовании...

– Владимир Александрович! Вот Вы мне вчера в курсовой написали, что логарифмы...

Девушка с претензией на внешность фотомодели явно поспешила с выбором факультета. Институт иностранных языков, может, даже, журналистики... Хотя, там тоже, должно быть, чему-то учиться надо...

$E = mc^2$. И время имеет самое прямое отношение к энергии! Квинтэссенция почти последних сумасшедших лет, когда статьи, которые, возможно и читали, но весьма немногие, узкий круг узких специалистов, а о журналах, в которых эти статьи печатались, эта первокурсница с карими глазами даже догадаться не смогла бы, что он вообще с таким названием существует... И всё это вылилось в написании формул и нескольких ключевых слов, объяснивших всё! А вчера, в этой компьютерной игре, в сети, где можно было уйти от настоящего, побыть и пожить не собой, не младшим научным сотрудником, а своим персонажем, Тором, под этим самым же им и придуманным именем!.. Сильным и смелым, рубящим в куски чудищ, искусно обходящим ловушки, поставленные соперниками, также жаждущими овладеть

чужими мирами и пространствами... А Временем? В игре не было сражений за время! Те, кто разрабатывал эту компьютерную игру с весьма, кстати, хорошей графикой, о Времени не знали. Вернее, знали в том же объёме, как и все! Ну, почти, как все...

Владимир закрыл глаза, представив глаза Эйнштейна. Почти, как все...

– Владимир Александрович!

Девушка отчаянно добивалась его внимания, опешив от такого к себе отношения. Пусть даже она на первом курсе, едва только поступила, но как же... Лёгкое платьице, вполне даже приличное для жаркого, побившего все рекорды климатических рамок, сентября, даже для фотомодельной фигурки, годящейся для любых перипетий студенческой жизни, даже к съёмкам на обложки журналов, даже к флирту с молодым преподавателем, даже...

– Я здесь! Здесь...

– Я же была вчера у Вас на курсовой...

Теперь девушка сбилась, главное оружие, всегда и во всём помогавшее ей до сих пор, не работало.

– Владимир Александрович...

Трагический голос был уже издыхающим. Атака сорвалась и пропуск, по всей видимости, останется в журнале. А это... Что это значит и чем грозит, девушка ещё не знала, но боялась всё равно ужасно. Первый курс, а вдруг выгонят! И так поступать было страшно, все такие умные собрались... Математики, физики... Ну зачем ей сдалась эта математика! Пятёрка в школе... Конкурс, правда, много меньше, чем везде... Позарилась, дурочка! Вот и попробуй теперь договориться с этим... А нужно как-то...

Изменение частоты собственных колебаний тела, безусловно, меняет его массу. Всё просто, надо отойти от обычного понятия массы и перейти на атомный уровень вещества. То есть, тела. Нет, лучше будем говорить, объекта! Девушка вдруг осеклась и застыла от неожиданности – неговорчивый, почти не слушающий её преподаватель, довольно даже симпатичный, если отбросить его учёность и занимаемую какую-то должность в институте, на кафедре, заметил, наконец, её груди! Почти не дыша, студентка смиренно опустила ресницы. Пусть смотрит... Подольше бы, подольше бы смотрел... Там же есть, на что посмотреть! Это же все знают... Что уж таить-то...

Изменение массы ведёт к изменению энергии. И наоборот. И всё упирается, в конечном счёте, во время! Относительно массы и время может меняться! Относительно... Два одинаковых пространства могут существовать в разном времени, не сливаясь, не поглощая друг друга... Грудь... Две разные величины...

Владимир вздрогнул, взгляд стал осмысленным. Девушка, стоящая совсем близко, глубоко вздохнула. Запах тонких духов, горячий воздух...

– Что Вы хотели?

– Нет... Да... вчера же я была у Вас на подготовительном занятии к курсовой? Баталова моя фамилия, Наташа Баталова! Я же была? А в журнале – пропуск! А я была, просто сидела сбоку... Можно... Пропуск этот убрать?

– Ладно, Наташа, я уберу!

Преподаватель быстро повернулся, уходя в свою страшную преподавательскую, оставив в коридоре довольную, но так и не понявшую причину победы Наташу. Положив руку на эффектно торчащую из разреза платья грудь, она посмотрела вслед преподавателю и медленно побрела в противоположную сторону, упрятав белые прелести глубже под платье. Явно, это не они...

Всё взаимосвязано! Мы ощущаем себя только относительно чего-то другого. Всё, абсолютно всё в мире, в жизни, во Вселенной – относительно! Листок с формулами лежит в верхнем ящике тумбочки, в спальне. В маленькой каморке, в «хрущёвке». В четырёхкомнатной квартире пятиэтажного дома, общей площадью чуть больше сорока квадратных метров. Четыре

комнаты, кухонька, коридорчик и санузел – всё вместе чуть больше сорока квадратных метров! Это даже не точка относительно Вселенной! Этого вообще нет! И не будет скоро, потому что относительно времени... Стоп, ещё не перешли ко времени! Пока – пространство! Квартира, каморка – это всё пространство! Но листик в тумбочке – там расписан процесс перехода ко времени. Не объект относительно другого объекта, не пространство относительно другого пространства, не временной интервал относительно другого временного интервала, а материальное тело относительно нематериального времени! Масса... У времени нет массы? Значит у массы нет времени?

$E = mc^2$... Эйнштейн был первым... Первым ли был Эйнштейн? А если... Нобелевская премия, признание, слава... Девочка Наташа... Или как её там, Белова? Баталова! Наташа Баталова! Первый курс, ну да, всего боится. Кому там нужно проверять, была она на этих подготовительных занятиях к будущей курсовой работе или нет? Он даже думал, что на эти занятия к нему вообще никто не придёт, журнал посещения взял просто так, для солидности, да чтобы тем, кто пришёл-таки, показать, что пришли не зря. А девочка эта... Вообще-то и на вертихвостку не похожа, раз так забеспокоилась за отметку в журнале. Кто-то из группы сказал, что отмечать будут! Прилетела... И глаза карие! И так, фигурка, ничего себе... Поступила, экзамены, конкурс...

Зайдя в преподавательскую, Владимир Александрович поздоровался с заведующим кафедрой, профессором Шелестовым, к которому относился не очень подобострастно, как тому, очевидно, хотелось бы, иначе объяснить такую тянучку с защитой несчастной кандидатской диссертации было невозможно. Проходя мимо крайних столов, кивнул Петрову и Скороходову, которых за глаза называли Петровым и Водкиным и к которым, вообще, никак не относился. Петров и Водкин были точно такими же научными сотрудниками. Но дела с диссертациями у них, вследствие значительно большего благосостояния и финансовых возможностей, что было просто секретом, были намного лучше. Свой стол в углу сравнительно большой комнаты, отведённой под преподавательскую кафедры, Владимир не любил. Сколько диссертаций и начинающих учёных уже погибло на этом столе, никто не знал, но текучесть молодых кадров в институте была очень серьёзной проблемой. Научный мир не очень-то благосклонен к конкуренции! Несколько книг, какие-то бумаги, десяток ручек были небрежно сдвинуты в угол стола, чтобы дать возможность добраться до клавиатуры допотопного компьютера, куда совсем недавно Владимир вставил серьёзную видеокарту, добавил оперативку и, пользуясь безлимитным скоростным доступом к интернету, хоть что-то полезного, кроме зарплаты, получая от института, влез в сеть, найдя свою игру. Времени оторваться от действительности и стать самим собой, Тором, было немного, максимум тридцать минут, но этого должно было хватить, чтобы забыть карие глаза, почему-то мешающие думать. До сих пор думать не мешало ничто, даже тряска в переполненном автобусе по дороге в институт, на работу и домой, вечером. Толчки автобуса, людей, плохая погода – ничего! Последние пять лет – ничего не мешало думать! Думать, даже когда он спал... Спал? Сегодня утром он так и понял, что спал... Когда, вскочив ни свет, ни заря, заметался по квартире, по своей каморке, разбудив и бабушку, не показавшую вида, что проснулась только из-за его шагов, за тонюсенькой стенкой, приготовив ему чай, рассказывая что-то, поучая и воспитывая!... Как обычно! Но сегодня не всё было как обычно! А как же всё просто оказалось! Всё гениальное – просто! Как же до этого великие не додумались? Ведь это происходит на каждом шагу, надо только...

Стол стоял прямо у стены, вдоль неё, в метре. Самая идеальная позиция, чтобы видеть всех из-за экрана монитора, зная, что подсмотреть твои манипуляции, работу на экране никто не сможет. Кнопки клавиатуры Владимир нажимал автоматически, казалось, на экран мог бы даже не смотреть. Возможно, кто-то из коллег, так и подумал – печатает молодой учёный что-то, быстро так печатает! Умеет же! Тор бегал по горам и долинам, отбиваясь, нападая, помогая друзьям и убивая монстров. Тор был великолепен и непобедим! Тор был в команде при-

знанным авторитетом, враги его опасались, предпочитая от боя уклоняться. Но врагов было много! Фабрика выращивала роту за ротой, работая в дикой спешке, время сейчас играло не на их стороне. Тор только что вернулся с Акриловых скал, где, в паре с Янгом и Людвигом был изрядно вымотан и помогал только советами и анализом обстановки, чтобы противостоять целой орде пришельцев, напавших вероломно и внезапно, в самое неурочное время, когда центральная часть России, её сердце, стучит в рабочем ритме. Большинство из друзей Тора и тех, кого можно было отнести к дружественным отрядам, определяя это, возможно, просто интуитивно, изредка перекидываясь парами фраз, работало в офисах и на предприятиях в Москве и тех районах, где было московское время. Сейчас эти «снайперы», «рыцари», «борцы», «Акбарсы» находились на работе, где к игре подойти возможности были далеко не у всех. Сам Тор за последние две недели вошёл в игру днём второй всего раз! И сразу – на скалы! Где какая-то, договорившаяся и объединившаяся явно именно для этого команда, попыталась захватить несколько стратегических объектов, днём охраняемых только компьютерными ловушками и слабым подобием солдат, вылепленных командой Тора из той же грубой компьютерной графики, просто так, вроде пугал огородных. Ловушки были серьёзными, но за два часа, с утра, противник взломал их почти все, углубившись, добравшись почти что вплотную к объектам, больше уже ничем не защищённых. Как всё-таки вовремя Тор появился! И ведь никто не предполагал даже, что такое молниеносное нападение возможно! А среди нападавших были явно незаурядные хакеры, ловушки могли составить серьёзную конкуренцию защите информации Пентагона...

– Янг! Как ты?

– Норма!

Янг был русскоязычным, судя по тому, как он печатал на кириллице, сразу было понятно кто он.

– Россия?

– Нет!

Как-то неприлично настаивать на ответе, если собеседник сразу не раскрылся...

– Людвиг! Как ты?

– Устал...

Людвиг умудрился целый час держаться на грани физических сил и нервного срыва, пока Тор и Янг не вошли в игру. А хакеры из нападения пытались и до него дотянуться, это понятно! Убрать защиту одного из группы, тогда без помех можно было и компьютеры взломать!

– Молодец!

– Отключаюсь... Спать я...

Людвиг явно не из России, мелькнула догадка у Владимира – Тора, построение фраз, когда человек выдохся, мозг устал, неправильное, как бы сказать... не российское! Возможно, родился в России, но долго уже живёт где-то за рубежом... Ничего, сейчас наши проснутся, с работы поприедут... Где же Вика? Раммос? Султан, наконец? Каждый вечер они... А до вечера ещё долго! Если бы было время восстановить защиту на Акриловых скалах! Там, в скалах, в тайнике, вся информация, все файлы с исходными данными и оружием группы, в которую объединились десятка три выдуманных людьми персонажей, сами люди, их опыт и их компьютеры. Там – штаб, без которого группа развалится. А собирать её возможности уже не будет! Будет, конечно, другая группа, каждый, в том числе и Тор, примкнёт к кому-либо. Дружественные команды, похоже, из самой Москвы, примут его, Тора, охотно. Но своей команды уже не будет! Это – позор, потерять штаб! Информационное гнездо! Время! Нужно время! Просто некому опять поставить защиту! Перепрограммировать ловушки, создав новые, восстановить то, что успели вскрыть и расшифровать хакеры противника! Пароли, кодовые слова – за пять лет нахождения в команде Тор успел узнать почти всё. Но – время! И...

– Вова, ты чай будешь? – Петров держал в руках чайник, – Сколько воды наливать?

Петров был изумительный человек. Ну, поставь полный чайник, он же всего на одну минуту дольше закипать будет! Нет, Петров лучше потратит эту минуту для того, чтобы выяснить, не экономнее ли будет согреть воды на одну кружку меньше!

Буду! Грей! – Отозвался Владимир, не представляя теперь, как быть. И ведь никого в игре! Никого из наших! Напряжение нарастало. Враг явно перегруппировался, возможно, заключил с кем-то соглашения, временные союзы. Вдвоём с Янгом они смогут продержаться неделю! Если бы ловушки были невредимы, Тор не стал бы и беспокоиться. За час-два их не вскрыть никаким хакерам, пусть они хоть десяти пядей во лбу. Те, кто эти ловушки готовил и расставлял, тоже не лыком шиты! МГУ, МФТИ, НГУ, лучшие компьютерные умы России, если уж не считать тех, кто в команде числился, в самой России не проживая и не отучившись в её ВУЗах. Говорили, то есть писали, на русском, но с такими иногда ошибками! И совсем не орфографическими, их-то как раз компьютер и исправлял...

Петров воткнул вилку чайника в розетку, поставил рядом, на столик, три кружки. Ясно, Водкин тоже чаю хочет, но поленился приподнять свой зад со стула, времени не хватило! Времени... Уже минут через 10 надо будет идти на очередные посиделки с этими вновь поступившими... Сегодня, как раз повторение для той группы, вчерашней. А, так поэтому, так беспокоилась девочка эта, кареглазая? Смотраться хочет, а два прогула боится! Жалко, девочка хорошая... Как же быть?

Чайник закипал, начав шипеть чуть громче. $E = mc^2$. У Эйнштейна не было компьютера. Там, в игре, тоже своё время и своя жизнь. Там живёт Тор! А интересно, если... Как там, на листочке? Листочек остался в тумбочке, дома, но каждый символ, каждая формула навсегда отпечатались у Владимира в памяти. Пять лет! За пять лет столько было этих формул, значков, книг, журналов, газет, интернет-погружений... Забыть это было невозможно! Если время... А чем, собственно, там и здесь отличается? Как у Наташи этой, два пространства... Симметрия! Частота собственных колебаний... Там нет массы... Её можно создать! Какая разница... Всё относительно... $E = mc^2$... Масса и время...

Владимир схватил листок и стал быстро писать, почти не исправляя, формулы. Через минуту он улыбнулся и защёлкал кнопками «клавы». Чайник свистнул и выпустил струю пара, заставив, Петрова чуть вздрогнуть от неожиданности, хотя он именно этого свистка и ожидал, сидя рядом с заварочным чайником в руке. Поставив, наконец, чайник на столик, рядом с закипевшим электроагрегатом, Петров ловко налил воду, заполняя фаянсовую ёмкость почти до горлышка и присел рядом, удовлетворённо вздохнув.

До времени, когда Владимиру Александровичу уже надо было идти к своим студентам, оставалось восемь минут. Впритык! Чай был очень горячим! Но как раз такой чай Владимир и любил, чтобы аж «кипел во рту»! И он успеет! Теперь он всё успеет! Теперь-то времени хватит, чтобы успеть всё! Владимир Александрович, быстро взглянув на Петрова, нажал последнюю клавишу и сразу повёл мышкой курсор вправо – к Тору, застывшему в режиме «пауза» у края монитора. Надо было действовать! Если это получится, он успеет! Он не только успеет, он... Время? Время, время! С большой буквы Время! Выдержит ли компьютер? Нет, а при чём здесь компьютер? Это уже не его мир! Там – другое время! Это относительно того времени, это компьютерное пространство, а это уже... Должно быть... Не может не получиться! Тор подхватился и побежал. Скорость, скорость – сейчас от этого зависит многое! Но, главное, Время! Надо проверить все ловушки, надо залезть в свою базу данных, выбрать, может, что появилось, ребята уже успели придумать, да не успели активировать, надо... Тор бежал к истерзаным воротам базы, к штабу. Пароли и кодовые слова, допуски Тор знал почти все. А то, что не знал, надо будет теперь самому взламывать! Одному – Людвиг отключился, да и легче уже не стало. Редко так бывает, чтобы в игре не было никого из команды! Или ребята там в свои ловушки попались, не ожидая коварности хакерской атаки, или просто совпадение до боли дикое! Закон подлости – ещё что-то должно случится, то оно случится непременно! И это

случилось! Помощника бы! Хоть кого-то! Одному работать в таких условиях очень жёстко! Помощника бы... Создать? А почему бы и нет? Тор на бегу выбросил руку, нарисовав в воздухе экран. Теперь создать образ... Неожиданный такой, любой... Что там, в памяти, рядом? О... Наташа, как там её... Баталова! Студентка первого курса мехмата, какая прелесть! Ну-ка, по памяти... Короткое лёгкое платьице, длинные загорелые ноги, гм... Карие глаза, чёлочка... Открытое лицо, странная, правда, какая-то растерянная улыбка... Грудь... Интересно, снять платье? Так... Нет, там всё может быть иначе...

Тор воспроизвёл рядом картинку, вытащив сонмище изображений девушек в стиле «ню». Эта, нет, вот эта! И здесь... Так... Порносайт попался, жёсткий сигнал – система засекла вирус и мгновенно его уколошила. Теперь её опять одеть! Из той же кастрюльки – платье выше колен! Всё... Включена!

– Бежим, бежим! Наташа, сбрось свои босоножки, босиком быстрее!

– Тор, я сегодня приду на занятия...

– Наташа!

– Да, Тор?

– Сбой, корректировка! Наташа?

– Да, Тор?

– Когда в хранилище зайдём, ты сразу в конференц – зал, на связь всех наших вызывай!

Там разберёшься сама...

– Разберусь!

– Я в блоке прикрытия. Защиту попытаюсь восстановить. Через два часа в командном пункте встретимся!

– Поняла, Тор

– Выполняй!

Бросив последнее слово, Тор набрал код на замке огромных ворот и посторонился, пропуская девушку вперёд. Сзади нарастал какой-то гул, но ни оборачиваться, ни анализировать степень возможной угрозы времени уже не было. Проскользнув в щель ворот, ставшую чуть шире, чтобы в след за хрупкой фигуркой девушки пролез он сам, Тор нажал красную кнопку на внутренней стороне ворот – «Экстренное закрытие». Толстая стальная стена легко и быстро отсекала гул и опасность, дав короткое время для передышки. Наступал ответственный момент – чтобы создать защиту, нужно время, это долго, это часы, а чтобы взломать ворота, противнику понадобится всего несколько минут. Ломать – не строить! Тор устремился к блоку прикрытия. Может, ребята что и придумали? Если нет, придётся поставить старое, просто поменяв пароли. Хакеры в прошлый раз два часа потратили! А это о многом говорит!

– Наташа, всё сделала?

Девушка уже сидела в кресле перед мониторами, повключав все обзорные экраны. Она слегка порозовела, набегавшись по длинным коридорам хранилища, став ещё красивее, чем-то напоминая куклу Барби.

– Связи нет... Задействовала все спутники, до которых смогла дотянуться, но, похоже, заблокирован сам вход в ионосферу. Каким образом – не пойму пока! Везде белый шум...

– А по периферийным каналам? Через...

– Тор! Я что в первый раз?

Быстро взглянув на девушку, Тор сглотнул, чуть не рассмеявшись. Запрограммировав Наташу, взяв за основу тело Марины – однокурсницы Бутузовой... Нет, Баталовой, он несколько изменил параметры мозга, не влезая в него, просто добавил информации. И, похоже, кое в чём переборщил! Интересно, а тела самого оригинала он же не видел! По крайней мере, той его части, которое скрыто под платьем? Платье, конечно, скрывало минимум информации, всё остальное было примерно похожим, но всё же...

– Стоп, коррекция!

Тор махнул рукой, создавая экран. Раздеть... Да... Смесь картинок с порносайтов, сайтов знакомств, эротических фотографий, личных архивов красивых девушек в микродоли секунды промелькнули на экране. Сверяя картинку с внешними, видимыми поверх платья и запечатлённые памятью параметрами тела Марины, Тор быстро подобрал недостающие детали. В принципе, то, что он вложил в платье девушки раньше, в спешке, было похоже... Тор хитро улыбнулся, натолкнувшись на сайты рекламы интимных услуг. А потом быстро пробежал, довершая поиски индивидуальности, сайты салонов тату и пирсинга. И, наконец, уже из собственного опыта... Теперь Наташу можно было отличить из тысяч таких же красивых девушек, выбрать одну из любого набора блондинок, брюнеток, шатенок и рыжих! Надо было просто увидеть её голой!

– Всё, Ната!

Девушка послушно застучала по клавишам, осматривая каждую складочку местности, всё расширяя и расширяя границы поиска.

– Я нашёл кое-что у ребят – успели-таки... Время, время, Наташа! Ты только не спрашивай ни о чём, не отвлекайся, ладно? Ищи пока!

У Альберта Эйнштейна не было таких возможностей, а о том, что последствия, задав определённые параметры, можно с помощью компьютерной техники моделировать, он не знал. Может догадывался? Определённо догадывался, но пользоваться не мог! Мог только предполагать! А здесь, в хранилище, для этого моделирования было всё! Неисчерпаемые, до пределов знания, накопленные человечеством, сведения, любые материалы виртуального мира, равнозначному реальному, только находящемуся в другом пространстве. Рядом, как две... Тор покопался на Наташину грудь и неожиданно столкнулся с её взглядом. Мгновенное оцепенение... Голой девушку он видел только что, сам её и создавал. Так что же коситься-то? И неловкость какая-то... Обнажённое тело осталось в памяти... И эти приколы с парикмахерской, пирсинг, тату... Может, убрать, пока сама Наташа о них не знает? Вряд ли уже почувствовала, хотя колечко, там...

Тор стряхнул оцепенение, лихорадочно перерывая технологические сайты, добираясь до искомых генераторов. Масса тела... Он и так уже, практически, завис во времени, став, возможно, первым человеком... Нет, вдвоём с Наташей, кто проник во время, остановив его. $E = mc^2$. Это только начало. Дальше – чуть больше. Страничка текста, листочек с формулами, что лежит в ящике тумбочки. Дома. Просто перейти с одного уровня на другой, как в игре! Всего лишь, минимум энергии... Надо сгенерировать луч... Нет, пока изменить для начала частоту колебаний. Немного, чуть-чуть! Потом удар, скачок... Можно и плавненько так...

Владимир щёлкал клавишами, иногда поглядывая на экран. Там что-то происходило, изображения жили собственной жизнью, в другом пространстве, так и должно было быть.. – Сейчас, Ната, сейчас!

– Тор, я нашла! Они изменили структуру ткани, свет поглощается, отражения нет! Изображения нет! Экранирование тепловидения... Тор, я по объёму их нашла, карты местности по объёму сверила! В режиме «он-лайн» я их вижу! Тор, они уже В-сектор прошли, там же главные предохранители!

– Понял, Ната, спасибо!

– Тор, меня Натой в школе звали... – Вдруг вздрогнула девушка, что-то вспомнив... Корректировку вводить было некогда. В школе, так в школе! Пусть останется! Всё равно вспомнить не удастся, когда она эту кошку чёрную на поясице вытатуировала и колечко нацепила, пирсинг этот...

Поехали! Саданув сразу двумя пальцами по большой кнопке «Enter», Тор не отвёл глаз от экрана. Помощи ждать было неоткуда, то, что он сделал, было единственным выходом. И – входом в бессмертие! Входом к славе, к признанию, к Нобелевской премии! Это – Премия, а не деньги! Деньги не были нужны! Зарплаты младшего научного сотрудника хватает, чтобы

заплатить за квартиру, чтобы не помереть с голоду. Бабушке бы, правда, поехать в санаторий бы какой, подлечиться... Да и мама с этой школой – кто кого раньше с ума сведёт! Учить чему-то эту вот Баталову... Тор успел бросить взгляд на Наташу и осёкся. Ну, её-то он уже ничему не научит! Запроектировал на славу! Ну, ладно, не её, так других, таких же! Чтобы гипотезу Пуанкаре не трудились доказывать, чтобы дальше шли... Математика – большая наука, в ней есть ещё, что доказывать! От неё ещё есть, что взять людям для жизни! И в жизни есть, что взять! Тор встал из-за огромного стола с пультами и мониторами, подошёл к Наташе.

– Что ты делаешь... — Не снимая пальцев с кнопок клавиатур, сразу двух, произнесла девушка, – Они же сейчас...

– Не успеют они сейчас... Мы сейчас... Это мы сейчас!

На тело девушки бельё Тор одеть забыл. Бельё просто вылетело из головы, даже лёгкое платьице уже казалось лишним! Поднявшись с места, обернуться Наташа не успела – платье поднялось вверх, скользнув по гладким бёдрам и руки Тора дотронулись до кожи бёдер.

– Они нас убьют, Тор... — Обречённо прошептала девушка, будто не замечая, что происходит с ней, с ними, сейчас. Она упёрлась руками о стол, не отрывая глаз от мониторов. Там, за зоной В, буквально в нескольких метрах от Хранилища... На поясице девушки, встав на задние лапы, вытянув две передние вперёд, изогнулась чёрная кошка. Поднятый вертикально вверх хвост можно было понять двояко... Поза, такая изящная... Скользнув руками по бёдрам вперёд, Тор соединил их на животе девушки.

– Мы уже ничего не успеем... Теперь...

Руки опустились и коснулись пальцами жёстких кудряшек волос – там, внизу живота, была искусно выстрижена ёлочка вершинкой вниз. Волосок к волоску, ёлочная лапка к лапке – парикмахер знал своё дело!

Да что же ты... — Вдруг будто бы очнулась Наташа, но мгновенно замерла – Тор нащупал золотое колечко, продетое в самую нежную часть девичьей плоти, потянув его двумя пальцами вперёд. Замерев, девушка выгнулась точно так же, как кошка на её спине. Изящно и эротично. Только хвоста у Наташи не было, но понять эту позу двояко было нельзя... Кто я? Зачем я здесь? Какие цели я преследую? Те же самые, что и обычные люди – помочь своему чаду, ведь даря свой опыт, свою частичку ДНК, родитель как бы говорит: «Вот, дорогой, то, что у меня есть. Пользуйся, развивай.» Ты же сам создал Наташу! Передать ей человеческие гены... Не хочешь ли ты просто поделиться с ней, представителем чужого мира, своим богатством или получить помощь? Разве можно тебя в этом обвинять? Разве Вселенная не воздаёт тому, кто делится своим светом, и разве не в праве этот кто-то попросить у неё именно то, что ему нужно? Каким будет потом этот мир? Каким будет мир... Того, кто создал уже его, Тора? Как много было уже примеров... Как это всё повторяется, происходит... Чужие, так близкие к нам цивилизации... Надо исходить из того, что есть на данный момент и не сожалеть о возможном утраченном варианте, потому, что в момент, когда происходит выбор, все прочие варианты перестают быть возможными. Так устроена вселенная вероятностей. Надо всегда играть хорошо, потому что ещё никому неизвестно, чем обернётся в конечном итоге этот выбор. Эта игра.. – Тор... — Простонала девушка, выгибаясь ещё больше, упав грудью на стол.. Клавиатуры, мониторы, хранилище... Чужие цивилизации оказываются более древними по отношению к землянам, например, например, цивилизация плеядианцев. Но свет, с точки зрения астрономии Плеяды – это молодое звёздное скопление, а Солнечная система во много раз старше! Это только подтверждает утверждение, что Время – понятие относительное. Например, звёздное небо, которое мы наблюдаем, рисует нам ещё более молодую систему Плеяд, чем она существует на данный момент. Но и в нашем Сейчас она действительно много моложе, чем система Солнца. С этой точки зрения, цивилизация плеядианцев ещё не началась, хотя частицы их цивилизации, духовной сущности, материальные следы уже есть в нашем прошлом. В этом

и заключается парадокс, который так сложно принять уму. Время относительно! И уже пришла пора узнать об этом!

– Ну, ты придумал... — Наташа полулежала прямо на клавиатуре, тяжело дыша, — Как раз вовремя... И что мне теперь делать? Хотя на датчики смотри...

Там всё нормально, — заверил Тор, приводя себя в порядок, с удовольствием рассматривая чёрную кошечку, поднявшую лапки, — Иди в комнаты отдыха, я чуть позже подойду.

– Тор... Что происходит?

Наташа поднялась, опуская глаза, успев вскользь бросить взгляд на низ живота, пытаясь увидеть то, что трогал недавно Тор, — Что происходит?

– Время относительно, Наташа!

– Время... Относительно? Слушай, если это...

– Да, да! То, что я смоделировал, даст нам время восстановить ловушки. Никто сюда не дотянется!

– Тор... — Наташа переступала с ноги на ногу, опустив глаза. — Мне надо... Я сейчас, быстро, ладно! Я приду, надо же...

– Беги, беги! Времени уже хватит...

Следующие несколько часов ушли на скрупулёзное перепрограммирование вскрытых электронных блоков и установку новых головоломов, придуманных на такой вот, маловероятный, но всё равно ими просчитанный случай.

– Ой, как я устала! — Наташа подошла сзади и обхватила Тора руками, — Как я спать хочу...

– Ната! Времени нет! — Попытался отшутиться Тор, запуская очередную линию обороны.

– Это там – нет! Относительно нас. А у нас с тобой, относительно этих стен – есть! Тор, ты что хочешь делать сейчас?

Наташа разжала руки, вглядываясь в изменяющуюся конфигурацию устройства временной модуляции, как прозвал его сам Тор.

– В походное всё верну! Запущу время!

– Тор! — Чуть не вскричала Наташа, — Подожди!

Она лихорадочно схватила ручку, бумагу и стала, не совсем тщательно, быстрыми каракулями писать формулы. По сути это было повторение того, что лежало в тумбочке, в старой «хрущёвке». Только с небольшими дополнениями, которые стали видны лишь теперь, отсюда. Оказывается, при работе временного модулятора происходят и побочные явления...

– Это что значит?

– Ты не понял?

Несколько секунд Тор и Наташа сидели рядом, тесно обнявшись.

– Нужен эксперимент, — глухо бросил Тор, — Может мы ошибаемся!

– Смоделировать это, конечно, можно...

– Мы уже смоделировали!

– Тор! И ты тоже? Я-то, понятно, уровень Бетта – Гамма, где-то тридцать шестой...

– Ребята сейчас войдут. Попросыпаются...

– Нет, не сейчас! Когда ты модулятор перестроишь. А так даже не войдут! Уже не будет ничего, Тор! И меня не будет! А зачем тогда это всё мы...

– А если бы не мы, Ната, то кто-нибудь другой это бы сделал! И у него не было бы шансов, как сейчас у нас, посмотреть, чем это всё закончится! У него бы не было выбора!

– Тор, а ты уверен, что успеешь?

Глаза Наташи были страшно уставшими. Она опять подошла к Тору, прижалась, пряча лицо у него на плече.

– Мы же и не успели толком... Так, баловство одно...

Девушка попыталась засмеяться, но получился всхлип.

– Ты плачешь?

– Жалко... Только, только всё началось... я только начала осознавать себя, начала понимать себя всё лучше и глубже, была готова перейти на новый уровень...

– Натка, наша собственная жизнь – часть бесконечной линии.

– А если эта линия сейчас оборвётся?

– Я отключусь!

– Тор... Я... Не хочу!

– Мы в мирах воплощения, Ната, как не крути. Это в мире духа нет начала и конца, там всё находится в бесконечном и вечном Сейчас и ничто ни от чего не начинается, никто никогда не заканчивается. А в мирах воплощения всё немного иначе...

– Я знаю, Тор! Ты же сам это знаешь... – Наташа, чуть успокоившись, отодвинулась, не отрывая свою руку от руки Тора, – Давай, я готова! Если у тебя рука дрогнет...

– У меня рука не дрогнет, — Мрачно изрёк мускулистый полуголый гигант, не убирая маленькую ладонь Наташи, лежавшей поверх его широкой ручки, накрывающей клавишу «Esc». Программу уничтожения временного модулятора Тор запустил правой рукой. И ждал, не сводя, как и Наташа, взгляда с экрана. Сейчас там, за стенами хранилища, развернётся трагедия, которую он сам же и придумал. Сейчас он это увидит собственными глазами, единственный человек и существо. Если не считать Нату... Альберт Эйнштейн этого видеть не мог, он это понял, почувствовал. А, может быть, и видел! Может, ему это показали те, кто ушли немного вперёд, на самую малость вперёд, чтобы не дать уничтожить Вселенную! Время – относительно и так просто, оказывается, его свернуть...

Чайник свистнул и выпустил струйку пара, заставив Петрова чуть вздрогнуть от неожиданности, хотя он именно этого свистка и ожидал, сидя рядом с заварочным чайником в руке. Поставив, наконец, чайник на столик рядом с закипевшим электроагрегатом, Петров ловко налил воду, заполняя фаянсовую ёмкость до горлышка и присел рядом, удовлетворённо вдыхая. До времени, когда Владимиру Александровичу уже надо было идти к своим студентам, оставалось восемь минут. Экран монитора не светился. А в глазах всё равно мелькали искорки от только что пережитых видений, лихорадочно сменяющихся событий. Ноги, будто налитые свинцом, не позволяли даже шагнуть. Привстав, Владимир Александрович покачнулся, вовремя опёршись о столик. Даже если бы кто-нибудь обратил внимание на неудобную позу молодого преподавателя, они бы просто решили бы, что он разминает затёкшую от долгого сидения ногу. Хотелось спать... Страшно хотелось спать...

– Владимир Александрович! Вы ещё здесь? Хорошо...

Профессор залетел в преподавательскую, проведя, похоже, какую-то летучку со старшими преподавателями кафедры.

– Мы тут посоветались и я решил, — Начал он обычной шуткой, – Вы и курсовые будете у своей группы принимать! С самого начала молодёжь вести! Надо же Вам расти в нашем коллективе! Поздравляю!

Встряхнув удовлетворённо головой, профессор скрылся за дверью. Петров и Водкин дипломатично промолчали – небольшое повышение коллеги по служебной лестнице их не касалось никаким боком. Но для самого коллеги это значило серьёзное повышение оклада и его положения в коллективе. В голове шумело. Только что он своими руками разрушил весь труд последних пяти лет своей жизни, разрушил саму жизнь, пусть даже виртуальную, пусть даже им самим выдуманную. И даже едва начавшую зарождаться любовь! Только что он принял решение, от которого зависело, будет ли дальше существовать цивилизация, эта, на планете Земля или вообще, во всей Вселенной! Только что он всё понял...

– Володя, ты куда? А чай? – Удивлённо посмотрел на серое лицо коллеги Петров, держа в руке уже налитую большую его чашку напитка, обжигающе-горячего чая, который так любил и не боялся глотать, обжечься, Владимир. Промолчав, не слыша его слов на самом деле, длин-

ноногий и худющий мужчина на ватных ногах вышел в дверь, направляясь по длинному коридору в аудиторию, где были сегодня по расписанию занятия с первокурсниками. Надо было раздать темы курсовых работ, рассказать вообще, что это такое и как всё это надо делать. Рассказать... Хотелось спать, страшно хотелось спать!

– Здравствуйте! И так, леди и джентльмены, ставлю вас в известность, что принимать курсовые работы у вас буду тоже я, ваш покорный слуга! Пожалуйста, назовите фамилии присутствующих, я запишу. Позже я подготовлю индивидуальные темы и раздам. Уровень сложности будет одинаковым, уж за это не беспокойтесь! Сегодня занятия не будет в связи с этим вновь открывшимися обстоятельствами! Итак, фамилии и – свободны, до следующей встречи!

Голова гудела... Спать... Неровными буквами Владимир заполнял листочек вкривь и вкось, под удивлёнными взглядами студентов, записывая их фамилии. Когда все вышли, Владимир, не вставая с места, попытался рукой дотянуться до груды волос, лежащих на переднем столе, как раз напротив него.

– Алло, гараж...?

Копна не пошевелилась, но преподаватель больше не настаивал. Он уже знал, кто это.

– Наташа?

Владимир отрешённо посмотрел по сторонам и резко поднялся. В спине что-то хрустнуло, сон попытался поставить подножку, но преподаватель снова устоял. Подойдя к входной двери, он задвинул засов, который гипотетически должен был иметь предназначение уберечь покой аудитории от воздействия внешних факторов во время занятий и подошёл к девушке, крепко спящей на первом столе, нагло и бесцеремонно подложив руки под голову. Это была Наташа Баталова, он не ошибся. Владимир присел рядом, молча обнял девушку за талию, прижал к себе. Надо ехать срочно домой, сжечь всё до последнего листка, все материалы, касающиеся этого $E = mc^2$. Надо исходить из того, что есть на данный момент и не сожалеть о возможно утраченном варианте, потому, что в момент, когда происходит выбор, все прочие варианты перестают быть возможными. Так устроена Вселенная вероятностей. Надо играть хорошо и гармонично, потому что ещё никому неизвестно, чем обернётся в конечном итоге этот выбор. Эта игра! Последние слова Владимир произнёс почему-то вслух, да и вся фраза ему показалась уже где-то слышанной, знакомой. Только что, недавно, когда в аудитории было много народа, девушка спала, как убитая, но сейчас, в тишине, от голоса Владимира она шевельнулась, подняв голову и бессмысленными глазами встретила с взглядом Владимира.

– Ната?

– Вы... Ты?

Явно растерявшись, девушка отозвалась на поцелуй и закрыла глаза, почувствовав руку Владимира на своём бедре. Белья на Наташе не было...

– Я заснула... — Не убирая руку Владимира со своей талии, Наташа отстранилась, – Вырубилась... Нервы, что ли? Это всё Вы, Владимир Александрович! – Она игриво-шутливо взмахнула ресницами, – Я же говорила Вам, что была вчера на занятиях! А Вы мне не верили!

То, что она только что поцеловалась с молодым преподавателем, сейчас уже как-то просто забыть не получалось. И рука эта ещё на бёдрах.

– Что-то голова у меня... Не болит, нет, но состояние какое-то.

Девушка вдруг положила свою голову Владимиру на плечо, перестав дальше думать и рассуждать в себе о морали и принципах, поведении первокурсницы в институте.

– Ната...

– Гм... — Перебила девушка, – Меня так в школе звали, давно ещё...

– Знаю... Давно это было, знаю!

– А Вы-то... Ты, откуда знаешь? – Не подняла голову Наташа.

– Слушай, а у тебя... Не удивляйся только ничему! У тебя тату есть, на теле, в районе поясницы?

Теперь Наташа голову подняла с нескрываемым интересом.

– Не-а... Не скажу!

Почему-то, на совсем уж откровенность девушка не решилась.

– Ты где живёшь?

– Квартиру с подругой снимаем, недалеко совсем. Она как раз сейчас на занятиях, в параллельной группе.

– Пойдём, домой тебя провожу! – Неожиданно, даже для себя самого, предложил вдруг Владимир, – А то заснёшь как корова, на дороге...

– Фу, ну и сравнения у тебя, — Сделала нахмуренные брови Наташа, но не удержала их в этом положении долго, – Хорошо, пошли! Только... Можно, я за тебя держаться буду? Шатает что-то...

– Держись, ладно! – Не стал вникать в перипетии будущих разговоров на эту тему среди студентов и вахтёров Владимир, – Время относительно... А относительно этих стен и нас уж всё равно...

– Что? – Подняла глаза девушка.

– Пошли!

– Ага... А подруга, если тебя в нашей комнате найдёт, что скажешь?

– К себе переведу!

– Ага, сейчас!

– Время относительно, но ещё не пришла пора узнать об этом! Пошли быстрее, мне ещё много дел надо успеть закончить! Чтобы это не начинать пока! Не настала пора!

– И что ты делать будешь? – Девушка закрыла глаза.

– Жечь! Всё жечь, как... Пошли!

В чём может быть смысл духовных испытаний, как не в любви и принятии, рождающейся у тех, кто истинно прошёл их? Владимир уже знал об этом. Но очень хотелось узнать ещё, есть ли у Наташи, на поясице, татуировка – кошка с вытянутыми лапками? И этот пирсинг... Колечко такое маленькое, на самом...

Автоматическое письмо

«Тётя Глаша вышла из дома рано утром. Надо было переделать много дел – задать корма борову Борьке, накормить кур и уток, не забыть собрать яйца, выпустить пастись Зорьку, пятнистую корову, ждущую в хлеву. Тётя Глаша была доброй и приветливой, много работала и считалась в деревне настоящей хозяйкой. Одно только не ладилось в хозяйстве у тёти Глаши – мужика не было! А в каждом хозяйстве должен быть мужик! Не сильное будет хозяйство, если мужика в нём нет! Вроде и всё правильно делала Тётя Глаша, хорошо и вовремя, да только с виду всё правильно было...»

Влад читал листки с мелконаписанным текстом и понимал, что потихонечку начинает сходить с ума. Вместе с тётей Глашей. Сегодня ночью он не выдержал борьбы с самим собой и поддался на глупое и неотвязчивое желание, даже почти физическую потребность встать чуть ли не за час до рассвета, достать листы бумаги, захваченные с собой в деревню так, на всякий случай, как обычно берут с собой, уезжая на какое-то время в новое место, в деревню ли, на курорт ли. Берут многое другое, всякий хлам, удивляясь потом причине этого. Потребность была писать, писать что-то, какой-то текст, даже не задумываясь над смыслом написанного. Исписав листов десять, Влад, успокоившись, лёг досыпать. И сейчас, проснувшись на час позже обычного, с удивлением перечитывал галиматью, написанную его, несомненно, почерком. Листы бумаги формата А4 лежали на столе, вместе с ручкой, почерк был его...

Экспертизы почерковедческой проводить не надо было, здесь сомнений быть не могло. Так, как писал Влад, не писал никто ни из старых друзей-однокурсников, ни из новых знакомых коллег. Смесь неряшливых букв, закорючек и символов, которые покрывали лист слева направо равномерным слоем, даже за почерк принять можно было с натяжкой! Ни к стенографии это не имело никакого отношения, ни к тексту. Зато, на спор, Влад мог практически дословно в течение полутора часов записывать, как магнитофон, речь лектора, не коверкая, не интерпретируя и фальсифицируя её. Правда и разобрать эти записи впоследствии мог только он сам! Чтобы доказать, что спор он выиграл, Владу приходилось уже по-человечески переписывать, расшифровывать текст. Свой текст переделывать в общечеловеческий. Сейчас записи на листах как раз и были выполнены тем, только ему знакомым почерком. Ещё со студенческой скамьи им самими и выработанным. Однокурсники даже конспекты его для подготовки к зачётам и экзаменам никогда не просили – смысла никакого не было, не могли разобрать практически ничего. Хотя диплом с отличием, полученный Владом по окончании института, вроде бы и давал ответы, что качество конспектируемых лекций должно было быть высоким. Ответы-то ответами, но почерк... Если бы Влад сам бы всего этого не понимал, произошедшее пару часов назад показалось бы ему чьей-то глупой шуткой или умным розыгрышем, лучше сказать. То, что это писал он лично, было бесспорно. Но Влад думал, что это был сон! С какой бы стати он подсказывал ночью, задолго до рассвета, чтобы написать что-то несуразное... Про тётю Глашу? «Тётя Глаша вышла из дома...» Шизофрения? Начало или уже заматеревшая стадия болезни, неизлечимая форма? Влад убрал исписанные листы в стол и стал одеваться. Дел было много... Он застыл на мгновение и чуть не чертыхнулся – прямо, как у тёти Глаши! Неужели у всех в деревне дел было много? Но он же сюда вроде отдохнуть приехал, сбежав практически спонтанно из сумасшедшей, жаркой до невозможности, Москвы, чтобы хоть недельку отдышаться, а заодно и отоспаться, напиться парного молока, покупаться и половить рыбу! Дел много... Да уж, много! Как у...

Влад тоскливо посмотрел на ящик стола, где спрятал то, что написал ни с того, ни с сего ночью. Надо было выкинуть это из головы, не дай Бог, кто-нибудь когда-нибудь прознает про сей скорбный факт психической ущербности Влада, навеянного, без сомнения, резким переходом к размеренной и экологически чистой деревенской жизни...

Деревеньку с затрапезным названием Изотово Влад заметил ещё несколько лет назад, мотаясь по делам фирмы по всему Подмоскovie. Изотово представляло собой очень даже далёкое Подмоскovie, даже, скорее всего, Подмоскovie не представляло. Влад в то время продвигал проект Белорусской говядины по предприятиям быстрого и не очень быстрого питания где-то поближе от Москвы, где и люди попривычнее к такому питанию были, и транспортные расходы отпечаток на цены в конечном счёте не накладывали. Попал он в Изотово по запарке, просто перепутав дороги, поленившись лишний раз заглянуть в Атлас автомобильных дорог. Дело было под утро, ночь Влад частенько использовал для передвижения, успевая поспать пару часов уже на месте, поработать, подоговариваться с начальством, даже заключить договор – другой, если повезёт, и – дальше, к следующему городу, населённому пункту, предприятию общепита, к очередному директору. Иногда он проезжал за ночь 50 километров, иногда — 400. Круги вокруг Москвы всё увеличивались и расширялись, в ту пору каждый новый договор был весьма интересен в плане денежной компенсации за бессонные ночи и ночную рулёжку.

Уже отъехав приличное расстояние после последнего поворота, съехав с трассы, обманутый вполне сносным асфальтом, ставшим через 20 километров не совсем сносным и вообще закончившимся через такое же количество километров, Влад даже не стал лезть в старый испытанный Атлас автомобильных дорог советских времён, где хоть и не было кое-чего, зато остальное было вымерено и выверено многими поколениями автомобилистов, заставляя его принять. Атлас уже был не нужен, и без него стало ясно, что Влад заблудился. И ехать дальше сейчас, в серое предзакатное время, когда небо сливалось с землёй и звёзды терялись вверху, было опасно и глупо. Влад свернул с широкой полосы, изображавшей дорогу, подальше на обочину и приткнулся к беленькому столбику, почти ткнув его бампером. Всё равно надо было поспать эти дежурные 2—3 часа, а теперь и для того, чтобы вернуться на запланированный раньше маршрут, нужно было время.

Заглушив двигатель, Влад откинул спинку сиденья и мгновенно уснул. Возможно, через эти самые 2—3 часа именно тишина его и разбудила. За неделю рысканья по общепитовским точкам, успев проехать пару тысяч километров точно, Влад привык просыпаться под грохот проезжающих мимо длинномеров, под рёв двигателей, изрыгающих вонючий воздух, пропитанный серой и углекислым газом. Сейчас было подозрительно тихо и пахло свежим кислородом. Кислород, оказывается, имел собственный запах кислорода, странный и пьянящий, не похожий на запах любого из цветов, не похожий ни на что! Кислород и тишина...

Влад вылез из машины и потянулся, одновременно оглядываясь. Бампер машины оставался в миллиметрах от столбика – указателя, вверху которого и была белая прямоугольная полоска, по краям обрамлённая чёрной чертой, с названием населённого пункта – «Изотово 1,5 км». Деревня с названием «Изотово». Полтора километра. Куда шла главная дорога, Влада уже не интересовало, если он уже приехал в Изотово. Решительно сев за руль, он свернул в сторону и, проехав эти полтора километра, оказался в таком месте...

Тогда Влад, пробыв в Изотово целый день, перепознакомился со всеми её немногочисленными обитателями, не ведавшими ни сном ни духом о бигмах, гамбургерах и чизбургерах, пасущих свой собственный, не Белорусский скот и даже сыр делающих свой собственный, а не Голландский или Пармезанский. Переночевав на сеновале, как и положено летом в деревне, хоть хозяева и уговаривали не выпендриваться и остаться в доме, безуспешно попытавшись заплатить им за приют и ужин из молока и картошки со своим, выпеченным в печи, хлебом, Влад понял, что теперь он и эта деревня породнились. С той самой поры и стал Влад наведываться в Изотово время от времени, сокращая эти перерывы в визитах. И летом приезжал, и зимой. И уже даже не всегда, проезжая где-нибудь близко, по делам командировочным, а вот так, как сейчас, убежав от всех и от себя в том числе. Обычно заезжал он в Изотово на день-другой, но изредка, если удавалось, оставался и на неделю. Сегодня с утра был как раз четвёртый день этого побега. Офисный народ ждал его возвращения из Новосибирска,

но до этого скорбного момента можно было спокойно ловить рыбу, нарубить дров деду Мити, поправить заборчик бабке Пелагее, упиться парным молоком от коровы Зины, сравнивая его с молоком от коровы Рябушки, даже помочь тёте Лене убить петуха, чтобы угоститься потом настоящим куриным бульончиком...

Оставалось ещё три дня до конца командировки в Сибирь, придуманной самим Владом и волна энергии, захлёстывающая его всегда по приезду в Изотово, затопила все чакры, делая всё тело невесомым, с сумасшедшими мыслями. Ночной нервный срыв Влад всерьёз не воспринял, но исписанные мелким почерком листы почему-то не выбросил и не сжёг, а прихватил с собой, когда настало время возвращаться домой, из Новосибирска. Лето проходило и работать приходилось всё активнее. Народ к сентябрю повозвращался из отпусков, с морей и курортов, посыпались заказы, предложения и проекты. Влад теперь и времени не находил даже предполагать – планировать, а не то, чтобы отправиться в Изотово хоть на денёк. Казалось, что в ближайшие 2—3 месяца выехать туда и не удастся, жалко было хоть толику бизнеса терять, Москва была зубастая и пустоты не терпела! Фирм, готовых занять освободившееся место Влада, было хоть отбавляй! Так казалось. Но уже через пару недель Влад понял, что если он не предпримет что-то экстренное и неординарное, получит реальный шанс сойти с ума. Или же получит подтверждение психиатра о наличии у него обычной городской болезни – шизофрении! Может, москвичи все, без исключения, слышат голоса, но тщательно это скрывают?

– Влад, ты что в последнее время такой дёрганый стал? – Отвёл друга в сторону Николай, когда его, по сути, штатный начальник ни с того, ни с сего накричал на бухгалтершу, просто физически не успевшую вчера заехать в банк, выполнявшая какое-то не очень и спешное поручение, – Случилось что?

– Да нет, всё так же! Скучно, может, осень...

– И листва пожухла... Ты, случайно, стихи не пишешь?

– Что? – Поднял глаза на друга Влад, только теперь начав прислушиваться к разговору.

– Да... — Понял правильно заминку и вопрос коллеги. – Осень... Меланхолия?

– Слушай, Коля, тебе что, делать нечего? Решил меня достать?

– Тише, тише, я же так, просто... Слушай, а что-то всё-таки случилось! Я в таком состоянии... Вздвинченном, что ли, даже не помню, чтобы тебя видел! Влюбился? Да нет, те не такие. Не так себя ведут. Те радуются жизни! И людям. А ты на всех бросаешься! Колись, что случилось?

Влад беспомощно посмотрел на друга. У него в дипломате, с которым Влад не расставался практически никогда, сегодня лежал очередной «шедевр», написанный ночью. «Шедевр» литературы, надиктованный кем-то монотонным голосом и дословно, как он умел это делать, записанный Владом, с использованием своих закорючек и символов. 8 листов формата А4, покрытые этими закорючками с двух сторон, как орнаментом, мелкими, ровными строчками, сегодня выбили Влада из колеи окончательно. Приступ деревенской шизофрении неожиданно повторился, когда уже думалось, что тот сбой нервной системы был вызван только дикой жарой и усталостью.

– Говори! – Увидел глаза Влада Николай.

– Мне к психиатру надо! – Неожиданно не только для Николая, но и для себя признался Влад. – Я по ночам слышу чей-то голос, он быстро говорит, я знаю, что он хочет. Он хочет, чтобы я это всё, то, что он говорит, записал. Вроде рассказа, романа... Не знаю! Отрывки какого-то текста. По содержанию – полная хрень, детский сад! Вроде... Ну, как в школе сочинения пишут, ты можешь себе это представить? И я пишу, пишу, пока он не перестанет диктовать. Потом только, когда он перестанет диктовать, спать можно дальше. Как во сне! Просыпаюсь, почти не помню ничего, а листики исписанные рядом лежат!

Николай молча и внимательно смотрел на Влада. Не перебивая, но начисто не веря.

– Пошли! – Теперь уже Влад не скрывался.

Зайдя в свой кабинет, он достал из дипломата листочки.

– На, смотри, сегодня написал.

Николай работал с Владом уже несколько лет в одной фирме, Владом же и организованной, был не столько коллегой и хорошим сотрудником, сколько близким товарищем. И повелось это сотрудничество – товарищество не с работы, а с того самого института, где на лекциях и совершенствовал Влад свои умения писать быстро и непонятно. Коля тоже конспекты его пытался читать, но безуспешно.

– Да... — Бегло пробежав листочки глазами, Николай вернул их Владу. – Ночью, говоришь?

То, что первая запись была сделана в командировке, в Сибири почти, Влад признаваться не стал. Не во всём же, совсем уж, признаваться?!

– А я об этом читал недавно... — Вдруг заявил Николай. – Автоматическое письмо это называется. Только немного не так там было, вроде бы... Там вдова поэта какого-то, имя и фамилию уж точно не вспомню, после его смерти, тоже ночью, сразу штук 30 стихотворений записала. Сразу все! Потом эксперты, ну литературоведы, не знаю, как их там, определили, что это именно его стихи, того, мужа и поэта покойного. Его стиль, манера, метафоры. Короче, стихи его, но написаны после его смерти! Может и с тобой что-то похожее произошло...

– Коля! Иди уже... У меня, слава Богу, нет родственников умерших из поэтов и писателей! Да и это, что написано, к литературе как-то малое отношение имеет! Спасибо...

Коля, пожав плечами вышел, не посоветовав, однако, обратиться к врачу. Даже гримасу весёлую скорчил, выходя, что совсем уж означало, что происшедшее с Владом он лично считает пустяком. Зазвонил телефон и Влад, бросив листочки обратно в дипломат, поднял трубку. Этого звоночка он давно уже дожидался, клиент зрел медленно, но был очень важен и нужен – готовилась крупная сделка. Всё прочее как-то отошло на задний план, клиента надо было дожимать, заинтересовывать, настойчиво уговаривать. А на следующее утро, невыспавшийся и злой, Влад опять держал в руках листки с рассказом о каком-то идиоте учёном, что-то пытающемся изобрести, исследовать новыми способами и прославиться. Рассказ был фактически нелепым, тот, кто его придумал, понятия не имел о предмете повествования. Кое-как просидев в офисе до обеда, будто отбывая каторжный срок, грубя всем подряд и коллегам, и клиентам по телефону, Влад, дождавшись у дверей библиотеки конца обеденного перерыва, шагнул в читальный зал. Необходимо было кое-что выяснить.

– Мне нужна литература, имеющая отношение к потустороннему миру. К понятию «автоматическое письмо».

Короткий и чёткий заказ женщине средних лет профессорской внешности, принимая во внимание строгое чёрное платье и очки в золотой оправе, понравился.

– Пожалуйста, присядьте!

Она кивнула в сторону столиков с лампами под зелёными абажурами.

– Кажется, я смогу Вам помочь, совсем недавно я такую подборку делала. Дайте мне буквально 5 минут, просмотреть картотеку.

Влад отошёл к указанным столикам, облокотился о спинку стула. Значит, кто-то подобную литературу читает, значит, происходящее с ним – не единичный случай! Или совпадение просто...

– Молодой человек! – Негромкий, но сильный голос не дал домыслить, да и материала для этого домысливания не хватало. – Вот, этого Вам должно пока хватить!

Стопка журналов, брошюр и книжечек была внушительной, женщина справилась с заданием очень быстро.

– Спасибо!

– Если что конкретно захотите узнать, то пожалуйста, задавайте вопросы! – Любезно отозвалась профессорша, склонившись над ящичками с карточкой книг, подготавливая следующий заказ.

Утащив увесистую стопку на выделенный столик, Влад поудобнее уселся и открыл первую книжицу, вытащив почему-то её из середины. Автоматическое письмо...

Через 2 часа Влад был в курсе всей проблемы, вернее вопроса. Теперь он сам мог бы прочитать чуть ли не лекцию в каком-нибудь обществе любителей паранормальных явлений об этом письме, с примерами и иллюстрациями. Но что ему самому теперь со всем этим делать, так и не понял. Достав из обязательного дипломата ночные записи, он углубился в свои закорючки и символы, бегло перечитывая рассказ об учёном — идиоте. Оказывается учёный работал в институте ядерной физики! В Новосибирском Академгородке! Влад усмехнулся, вчитываясь, легко разбирая свои значки. На огромном современном синхрофазотроне! Влад ещё раз прочитал строчку – то, что он не ошибся, записывая слова под диктовку, было понятно. Это уже автоматизм – писать всё дословно. И так, как говорят. Именно так!

– Синхрофазотрон... — Молча и досадливо прикинул Влад, морщась. – Идиот полный...

– Что Вы сказали? – Мужчина за соседним столиком, рассматривая что-то в газетных сшивах, поднял голову.

Влад мог бы поклясться, что не проронил в ватной тиши зала ни слова, потревожив покой остальных читателей, обозвал учёного... Нет, писателя, мысленно! Не разжимая губ!

– Синхрофазотрон. Ускоритель элементарных частиц...

– А...

Мужчина понятливо улыбнулся и снова опустил голову, удостоверившись, что обращался Влад не к нему. Через секунду Влад стоял у его столика.

– Вы меня слышали? Извините...

– А... Вот как! – Теперь и мужчина всё понял. – Да. Я думал Вы ко мне обратились!

– Со словом «идиот»? – Не отступал Влад, натянуто-вежливо улыбаясь. – Похоже, сейчас я как раз и похожу на идиота!

– Не совсем. Знаете... Эмоции сильные слишком, их чувствуют... Я посмотрел краем глаза, Вы читаете... Вот возьмите! – Мужчина, достав визитку из кармана пиджака, протянул её Владу. – Если интересно что-то выяснить, то приходите на сеанс. Пожалуйста!

Влад взял визитку и отошёл к своему столику, не став больше досаждать... Валерию, как значилось на визитке, мастеру оккультных наук. Телефон и адрес на карточке были, позвонить и прийти на сеанс можно было запросто. Тем более, что Владу просто необходимо было выяснить!

Сеанс у мастера Валерия стоил недорого. То, что Валерий услышал его в читальном зале, было уже сверхъестественно, поэтому Влад был готов к любому откровению, готов был поверить всему, что услышит. В гипнотический транс Влад не входил, но Валерий, похоже, к этому и не стремился.

– Вы за городом были, когда голос посторонний услышали?

– Да...

– Мужской голос или женский?

– Не знаю. Непонятно было. Монотонный какой-то, без эмоций.

– Как он сказал тогда, синхрофазотрон?

– И да, и нет, он сказал «синхротрон». Это потом, уже в городе было.

– Синхрофазотрон... Это ускоритель элементарных частиц...

– Ускоритель. Он говорил об Академгородке, я там учился когда-то. Говорил об институте ядерной физики. Там есть такой, ИЯФ называется. Около него и стоит ускоритель этот, огромный, овальный такой. Синхрофазотрон – ускоритель элементарных частиц. Он его назвал синхротроном...

– А в первый раз, когда Вы писали, о чём он говорил?

– О тётке Глаше какой-то... Это как раз в той деревне было, в Изотово...

– Где?

– В Изотово!

– Да нет, где именно Вы были в это время? В этот момент?

– Был? Спал я... На сеновале я спал! Там что-то вроде лежанки у них оборудовано, у хозяев. Кровати нет, матрац, тумбочка такая маленькая даже была, типа прикроватной. Ну, сарай просто большой, где сено свалено, на зиму запас для коровы! Пеструшка корову их зовут...

– Он не хочет со мной говорить... — Убрал руки, которые держал всё время над головой Влада, Валерий. – Боится, что ли... Это ребёнок, Влад! Мальчик, лет 12-ти, думаю. А в школе, в его возрасте, про эксперименты с элементарными частицами не говорят. Это он уже от Вас нахватался, дети всё на лету схватывают!

– Так он что... – Заикнулся Влад, но Валерий его понял.

– Да, его уже нет. Но он ещё здесь. Неуспокоенный, как у нас говорят.

– Весело... Так это не шизофрения?

– Я же Вас в библиотеке услышал? – Парировал вопрос Валерий. – Вот и Вы его слышите. Со мной он не хочет говорить, что-то всё-таки пугает его...

– Ну и что мне теперь со всем этим делать?

– Что делать, что делать... Писать он хочет... В школе, что ли учился, или на кого-то посмотрелся, кто пишет... Может, писателя настоящего знал... Узнать бы Вам, кто он, откуда он вообще взялся? В деревне, говорите, началось всё?

– В Изотово. Это вообще-то далеко, за тридевять земель...

– Да, да... Он, Влад, не может понять, что произошло. Вот и пишет свои сочинения. Про всё, что знал, видел, что от Вас узнал.

– Из меня выудил. — Мрачно заметил Влад.

– Выудил, да. Что-то выудил, какую-то информацию. О том же ускорителе. Учиться бы ему! Подсказать бы, что учиться надо!

– Он же...

– Ну и что? – Валерий философски произнёс: – Учиться никогда не поздно!

– И... Когда он уйдёт?

– Уйдёт. Когда – не знаю, но уйдёт. Все уходят. И он уйдёт. Может, когда поймёт, что писателя из него не получится. Может, он до сих пор и здесь, что думает, писать легко. Видишь – и пишешь!

– Понятно...

Влад поднялся с видимым облегчением. За этот сеанс он был готов заплатить в 10 раз больше, если бы Валерий сегодня же избавил его от этого писателя. Но и того, что удалось узнать, хватало, чтобы хоть что-то понять. И, возможно, самому постараться исправить...

– Миша, Коля!

Два соратника ждали указаний.

– Меня нет неделю. Пока – неделю! Миша за главного. Сам потом найдусь, искать не надо.

– Это как-то с шизофренией связано? – Развязно спросил Николай, не обращая внимания на округлившиеся глаза временного начальства – Миши.

– Да, — не стал уточнять Влад. – Голоса...

Миша дипломатично промолчал.

Машина мчалась по трассе, нарушая и скоростные нормы, и все остальные ограничения и правила. Милиция сегодня, почему-то, в дела Влада не вмешивалась и до развилки, съезда с федеральной трассы на обычную, асфальтовую дорогу, удалось добраться без обычных раз-

борок с дорожниками, на этих дорогах «пасущихся». Скоро показался и такой знакомый столб с указателем – «Изотово 1.5 км»

– Дед Митя, привет! – Радуюсь солнечному деньку, с хорошим утренним настроением, Влад обнял старика.

– Здорово, здорово! – Обрадовался тот нечастому, но непривередливому и всегда готовому помочь в любом деле постояльцу, с которого-то и денег не брал ни разу за всё время. – Теперича-то надолго к нам?

– Да поживу пока. Там же можно, на сеновале?

– А чего ж? Можно, ясно. Да дожди ж уже пошли, глянь! Может, всё же, в избе заночуешь? Что ж на сеновале-то? Да и прохладно уже на сеновале-то поутру-то! Осень на дворе!

– Ну, дед Митя! Ты же знаешь, что я всё равно там спать буду! Не уговаривай даже!

– Ладно, ладно, как хочешь.

– Дед Митя, а ты какого года рождения?

– А хотел-то чего?

– Ага, скажешь тебе, так ты всей деревне раструдишь! Тайна это!

– Да я партизанил! Да я такие тайны знал, что тебе и не снились! – Рассвирепел от такого недоверия, став даже выше, косматый, заросший старик, выпрямившись во весь свой, метр с кепкой, рост.

– Понял! Значит, военные тайны хранить умеешь? – Хитро прищурился Влад.

– Да уж... — Поняв, что сейчас к тайне его всё-таки допустят, старик поуспокоился и стал внимательно слушать.

– Про китайский календарь слышал?

– Про китайский... — Старик вопросительно посмотрел на бегущие облака, но там молчали.

– По их календарю каждый год посвящается какому-нибудь зверю. Буйвол, змея, тигр и так далее. Год кролика есть! И те, кто родился в этот год, чтят этого животного, своего! В общем, я подарки на Новый Год приготовить хочу всем! Сколько уже я к Вам в гости приезжаю? Молоко-мёд ем-пью, а денег вы с меня брать отказываетесь наотрез! Вот и хочу я Вас, деревенщину, обмануть – отблагодарить подарочками! И хитро отблагодарить каждого – что-то в память о его годе, по китайскому календарю! Но чтобы тайной это было, дед! Узнает кто – вся затея пропадёт! Имею я право подарки дарить, раз деньги не берут?

– Ну, дак это... Это можно! – Улыбнулся, наконец, дед Митя. – Дари! Подарки – можно!

– В тайне сохранишь? До Нового года?

– Сохраню! – Уже серьёзно кивнул дед. – Я же в партизанах был, да и потом уже, при Сталине, когда за что угодно могли... Я – могила! И в партизанах...

– Понял я, дед, понял! Мне бы паспорта всех ваших посмотреть, одним глазком! Я бы переписал даты рождения и отдал бы! А?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.